

Н.В. Шрамко

ПОНЯТИЕ ПРЕДАНИЯ И ПРОБЛЕМА ПРЕДМЕТА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Решить проблему предмета "наук о духе" – значит ответить на вопрос о специфике гуманитарного знания как такового. Насколько оправдано объединение в единую сферу того многообразия конкретных областей, с которыми имеют дело отдельные гуманитарные науки и насколько обосновано выделение этой сферы в качестве особого рода *знания*? Действительно ли это обосновано *методологически*, или же здесь мы сталкиваемся "всего лишь" с устоявшейся традицией, выросшей из потребностей гуманитарного образования, и прав был Х.-Г.Гадамер, когда утверждал: "То что делает гуманитарные науки науками, скорее можно постичь, исходя из традиционного понятия образования, чем из методических идей современной науки" ([4], стр. 53)? На наш взгляд, наличие определенной социальной функции вовсе не исключает возможности единой методологической основы гуманитарных наук. Гарантию такого единства может и должен обеспечить *единый* предмет гуманитарного знания. Но существует ли он вообще?

Исследование данного вопроса обычно начинают с указания на то, что любая гуманитарная наука имеет дело с определенными проявлениями "человека", результатами его существования и деятельности. Так, по мнению М.Блока, история есть "наука о людях во времени, наука в которой надо непрестанно связывать изучение мертвых с изучением живых" ([3], стр. 29). "За зримыми очертаниями пейзажа орудий и машин, за самими, казалось бы, сухими документами и институтами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, история хочет увидеть людей (...) Настоящий ... историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечиною, там, он знает, его ждет добыча" ([3], стр. 13). С соответствующими поправками, это справедливо и в отношении других гуманитарных дисциплин.

Тем не менее, для выявления специфики "наук о духе" одно-

го указания на "человека" явно мало. Человек (в качестве предмета) представляет собой необходимое, но отнюдь не достаточное условие гуманитарного познания. Анатомия, в конце концов, также занята ни чем иным, как изучением "человека".

Значительный интерес представляет точка зрения, в соответствии с которой предметом гуманитарных наук является *текст*. М.Бахтин, анализируя комплекс гуманитарных дисциплин, отмечает: "Текст (письменный и устный) как первичная данность всех этих дисциплин и вообще гуманитарно-филологического мышления (в том числе даже богословского и философского мышления в его истоках). Текст является той непосредственной действительностью (действительностью мысли и переживаний), из которой только и могут исходить эти дисциплины и это мышление. Где нет текста, там нет и объекта для исследования мышления" ([2], стр. 473). Данная точка зрения берет свое начало от Ф.Шлейермахера, она систематически развивалась В.Дильтеем, который пытался гносеологически оправдать "науки о духе" посредством последовательной экспликации "исторического мира" как подлежащего расшифровке текста. Эта концепция, несомненно, обладает большой притягательной силой и содержит немалый эвристический потенциал. Тем не менее, без существенных оговорок и уточнений здесь не обойтись.

М.М.Бахтин считал, что основное отличие гуманитарных дисциплин от естественных заключается в том, что первые представляют собой "мысли о мыслях, переживания переживаний, слова о словах, тексты о текстах" ([2], стр. 473), а последние непосредственно имеют дело с неким "прямым объектом". Но еще Г.Г.Шпет показал, что в том, что касается "мыслей о мыслях, слов о словах" и т.п., обе отрасли знания скорее сходны нежели различны. Действительно, современное естественнонаучное познание давно уже не имеет дела с так называемым "непосредственным наблюдением" (если вообще имеет смысл говорить о таковом, когда речь идет о науке). Противопоставление естественника и гуманитария ("натуралиста" и "историка") как *наблюдателя* и *читателя* в настоящее время потеряло свою актуальность и не вполне корректно. "То с чем наблюдатель действительно имеет дело, есть не что иное, как его собственная

система предложений об изучаемом предмете. Это значит, другими словами, что в своем познании наблюдатель имеет дело со своими собственными суждениями, он познает, *читая* им самим составленные предложения. Выходит, что натуралист читает свое собственное, еще не записанное произведение, а историк – записанное и вообще переданное другими. Но стоит вспомнить, как много в действительном наблюдении наблюдатель приносит с собою чужих мнений, предвзятостей, книжных теорий и т.п., чтобы убедиться, что разница весьма условна и, во всяком случае, не принципиальна" ([9], стр. 304). Между прочим, Г.Г.Шпет именно в этом видел возможность того, чтобы история являлась методологическим образцом для естественных наук; необходимость же он выводил из того обстоятельства, что история имеет перед естествознанием одно важное преимущество – она связана со словом (текстом) прямо, непосредственно и имеет его в качестве *единственного* источника познания.

В данном контексте полезно провести различие между *непосредственным* ("поверхностным", "первичным") предметом той или иной науки и ее "глубинным" предметом или предметом *в собственном смысле*.¹ По-видимому, правильным будет сказать, что текст выступает в качестве непосредственного предмета гуманитарных наук. Действительно, последние, обычно, ни с чем иным просто не имеют дела. Однако "составляет разницу пытаться понять текст как литературное явление с точки зрения его замысла и композиции или пытаться использовать его как документ для познания более широкой исторической взаимосвязи, о которой текст дает поддающиеся исторической проверке сведения". (Подобная мысль содержится и в вышеприведенных высказываниях М.Блока.) То есть, важно иметь в виду, что текст, как правило, интересует исследователя-гуманитария *не сам по себе*. Более того, если какое-либо текстологическое исследование ограничивается исключительно рамками самого текста, носит чисто синтаксический характер, то такое исследование вряд

¹ Это различие не следует путать с различием между "предметом" и "объектом" научного исследования, играющим столь важную роль в системе высоких требований, предъявляемых ВАК Украины к диссертационным работам на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

ли можно назвать гуманитарным. Этот момент хорошо выразил Г.Г.Шпет: "Слово является формой, под которой историк находит содержание действительности, подлежащее его научному ведению..." ([9], стр. 303). Задача как раз и заключается в том, чтобы определить эту "глубинную" действительность, к которой относится гуманитарное знание, иными словами, найти его "собственно предмет".

Обратимся к критическому анализу концепции В.Дильтея, который мы находим в книге Х.-Г.Гадамера "Истина и метод" ([4], стр. 267-292). Гадамер стремится прояснить вопрос, *почему* В.Дильтей представлял "исторический мир" как некоторый текст, который необходимо расшифровать. Он показывает, что определяющим фактором выступает здесь стремление В.Дильтея обосновать методологическое равенство "наук о духе" с естественными науками, а именно, такого рода равенство, которое позволило бы гуманитарным наукам опереться на столь же прочное основание, какое уже имелось, с его точки зрения, у естествознания. Приняв в качестве предмета "наук о духе" текст, Дильтей получил возможность сопоставить используемые в обеих областях методы и наглядно продемонстрировать, что они обладают одними и теми же характеристиками "научности" и "объективности". "Как естественнонаучное познание в ответ на адресованный ему вопрос всегда обращается к действительности за разъяснением, заложенным в нем самом, так представитель наук о духе задает вопросы текстам" ([4], стр. 291). Однако, с точки зрения Гадамера, на этом пути вряд ли возможно выявить специфику гуманитарного знания. "Дильтей в конечном счете мыслил исследование исторического прошлого как расшифровку, а не как исторический опыт" ([4], стр. 292). Между тем, необходимо как раз понять, что представляет собой этот "исторический опыт" и осознать гуманитарное исследование именно в качестве такого исторического опыта.

Проблема осложняется тем, что идеал естествознания буквально *навязывает* нам определенное понимание (определенную концепцию) предмета науки. Кратно опишем основные черты такого естественнонаучного понимания. Во-первых, предмет должен быть строго определен, желательно посредст-

вом точного явного определения (ср., напр. [8], стр. 13). Во-вторых, само научное познание должно быть представлено в виде все более глубокого проникновения в сущность этого предмета: "От явления к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности" ([6], стр. 203). В-третьих, предмет научного исследования должен быть определен в качестве "объективного предмета", существующего независимо от исследователя, учебного (субъекта исследования).²

Определяя теперь свое отношение к такому естественнонаучному пониманию предмета науки, мы должны признать, что ни в одном из перечисленных пунктов этот идеал не может быть применен к гуманитарному познанию. Вряд ли возможно точно зафиксировать (определить) предмет гуманитарных наук – отчасти потому, что эти науки вообще не приемлют строгих определений, но главным образом по той причине, что *такого* предмета, то есть жесткого, четкого, самому себе тождественного, эмпирически данного предмета гуманитарного знания просто-напросто не существует.

Поэтому и сам процесс гуманитарного познания невозможно представить как некий прогрессирующий процесс проникновения в глубины этого предмета, раскрытия все новых его сторон, свойств, и так далее. Именно этим объясняется тот очевидный факт, что гуманитарные исследования не устаревают, а наоборот, с течением времени становятся во многих случаях все более актуальными, обретают все большую *познавательную* ценность. Мы с большим наслаждением и пользой будем читать труд та-

² Х.-Г.Гадамер довольно убедительно показывает, что все притязания современной физики на то, что она якобы учитывает, например, при проведении различного рода экспериментов, наблюдений, измерений и т.п., наличие субъекта – экспериментатора, наблюдателя, – в сущности иллюзорны. В действительности, всякий подобный "физический субъект" на поверку оказывается *мнимым субъектом*, субъектом только по названию, в конечном счете все равно выступающим в роли объекта физической теории. "Ведь даже некое мировое уравнение, которое отображало бы все сущее, так что это системное уравнение включало бы и самого наблюдателя системы, все равно предполагало бы ученого-физика, который в качестве считающего не есть сосчитанный. Физика, которая просчитывала бы самое себя и была бы своим собственным расчетом, противоречила бы самой себе" ([4], стр. 523).

лантливого историка или филолога позапрошлого века, чем аналогичное современное, но посредственное произведение. И даже если при написании последнего был задействован несравненно более обширный фактический материал – несмотря на это, гораздо большее знание (именно *знание*) мы почерпнем из чтения первого труда. (В этом, между прочим, проявляется сам характер гуманитарного знания в его кардинальной несхожести со знанием естественнонаучным.) В естественных науках дело обстоит противоположным образом. Труды классиков физики (например, И.Ньютона, Г.Галилея) представляют в настоящее время лишь *исторический* (может быть даже *философский*) интерес, но отнюдь не физический. С точки зрения приобретения *физического* знания гораздо предпочтительнее прочесть какой-нибудь современный вузовский учебник по механике чем труд Исаака Ньютона "Математические начала натуральной философии". "Никто сейчас не будет изучать, скажем, оптику по трудам Гюйгенса, Ньютона, Френеля или Юнга, она гораздо полнее, точнее изложена в современном учебнике" ([7], стр. 323).

Наконец, сейчас уже можно считать общим местом то обстоятельство, что предмет гуманитарных наук невозможно адекватно описать и понять, если не учитывать такую его составляющую, как включенность в него познающего субъекта. Эта включенность оказывает столь сильное влияние на само гуманитарное знание, что мы вообще можем констатировать явное смещение акцента с того *что* исследуется, на то *кто* исследует. "Это служит здесь масштабом и мерой. Очевидно, что ценность и значение исследования измеряются в этом случае не просто масштабом самих фактов. Скорее, наоборот. Факты кажутся нам по-настоящему значительными лишь благодаря тому, кто сумел их изобразить. Наш интерес, таким образом, принадлежит, конечно, фактам, однако факты обретают жизнь лишь благодаря той точке зрения, с которой их нам показывают" ([4], стр. 337). Эту особенность гуманитарного знания прекрасно выразил Н.Эйдельман, характеризуя первую биографию Пушкина, автором которой был П.Аненков: "Она вышла 130 лет назад. С тех пор были десятки биографий, но эта – лучшая. Лучшая, хотя там "все устарело". Но есть личность автора, свободно группирую-

щего материал. И это – главное" ([10], стр. 5).

В работе "Истина и метод" Х.-Г.Гадамер систематически использует одно важное понятие, позволяющее, на наш взгляд, выработать некоторый целостный подход к проблеме предмета гуманитарного знания. Это – понятие *предания*, имплицитно заключающее в себе существенные характеристики той "действительности", на которую направлено гуманитарное познание.

Такая действительность, прежде всего, представляет собой "социально-исторический мир" (стихию "человека"). Но коль скоро речь идет о предании, становится ясно, что тот социально-исторический мир, с которым имеют дело гуманитарные науки, не может быть представлен как существующий сам по себе, он не дан нам в качестве "непосредственной данности" или "объективной реальности". Предание – это социально-исторический мир, как он сохранился в памяти человечества, как он существует в общественном сознании, как он пере-дан современности, то есть – это социально-исторический мир *опосредованный языком*. "Язык относится к самой сущности предания" ([4], стр. 453). Язык выступает в качестве универсальной среды, в которой только и может происходить гуманитарное познание исторической "действительности". Таким образом, становится очевидным то огромное значение, которое имеет для гуманитарных наук текст. "Дух (и свой и чужой) не может бы дан как вещь (прямой объект естественных наук), а только в знаковом выражении, реализации в текстах и для себя самого и для другого" ([2], стр. 476). Всякий текст есть буква или слово, на котором пишется книга истории, а чтение и *понимание* этой книги и составляет задачу гуманитарных наук.

Важнейшей характеристикой предания является то, что оно существует лишь через познающего его субъекта и посредством этого субъекта. Эта включенность исследователя в предание составляет его самую существенную черту и делает тем, чем оно является. Прошлое передается настоящему посредством субъекта исторического исследования и делает его "современным любой современности", делает его существенным фактором, важнейшим компонентом каждого данного момента, влияющим на последующее содержание и определяющим его. Именно на эту

неотделимость исследователя от предмета исследования, на это слияние в предании прошлого с настоящим обращает внимание А.Гуревич в следующем высказывании: "... гуманитарное знание, науки о культуре коренным образом отличается от естественных наук: предмет их изучения имеет ту же самую природу, что и сам исследователь. Человек общается в истории с человеком. Историк (и общество, к которому он принадлежит) вступает в диалог с людьми другой эпохи, вопрошает их и ожидает ответы на свои вопросы, следовательно, нужно проникнуть в содержание сознания этих людей, попытаться познать их "изнутри" ([5], стр. 14).

В сущности, человек познает свое прошлое не из простого любопытства к тому, что было. Человек не отстранен от своего прошлого. Познавая его, он познает самое себя. Здесь обнаруживается важнейшая специфика гуманитарного познания в его отличии от познания естественных наук. Естествознание есть *познание иного*. Оно занято изучением некоей реальности, которая не есть оно само. Гуманитарное познание есть разновидность самопознания. Гуманитарные науки – это стихия человеческого духа, познающего самое себя; это есть *познание самого себя*.³ Этим как раз и объясняется несводимость гуманитарного знания к идеалу естественных наук (и наоборот), различия в характеристиках их предметов, о которых шла речь выше.

Итак, для обозначения предмета гуманитарного знания мы предлагаем использовать, быть может, несколько непривычный термин – "предание". Собственно говоря, выбор того или иного термина практически всегда является вопросом конвенции. Поэтому мы охотно согласимся с возможными критическими замечаниями относительно нашего выбора. Тем не менее, представляется, что данный термин обладает определенной выразительной силой и вполне наглядно представляет суть той "реальности" с которой имеет дело гуманитарное знание.

Слово "реальность" взято здесь в кавычки отнюдь не слу-

³ Немецкоязычный термин для обозначения гуманитарных наук "*Geisteswissenschaften*" – "науки о духе", выражающий саму суть гуманитарного знания, представляется в этой связи гораздо более удачным, чем аналогичный англоязычный термин "*moral science*" – "моральные науки".

чайно. Дело в том, что та или иная гуманитарная наука может иметь (и часто имеет) предметом своего рассмотрения такие "события" и "факты", которые никогда не происходили в реальной действительности. Это обстоятельство оказывается, однако, не столь уж важным, коль скоро эти "события" (даже, быть может, ни имевшие места) становятся частью *предания*, ведь именно в качестве таковых они изучаются той или иной гуманитарной наукой.

Рассмотрим следующий пример. Известно, какое огромное влияние оказало на формирование греческой и римской (а значит и всей западной) культуры (менталитета, "духовности" и т.п.) такое "событие", как *Троянская война*. Однако до сих пор, несмотря на изыскания многих поколений ученых и замечательные находки Шлимана, нет однозначного ответа на вопрос, существовала ли Троя *на самом деле* и велась ли война, описанная в поэмах Гомера, *в действительности*, или же здесь мы имеем дело "всего лишь" с красивой легендой. Но вот что интересно: по-видимому, значимость данного вопроса для нашего понимания истории античности вовсе не столь велика, как это может показаться на первый взгляд. Собственно говоря, историку не столь уж важно, велась ли Троянская война "в объективной действительности". Гораздо важнее то обстоятельство, что греки *были уверены* в том, что эта война действительно имела место, иными словами, гораздо важнее, что эта война является неотъемлемой частью предания и в качестве такового оказала огромное влияние на историю Древней Греции, Рима и всей Западной цивилизации. Именно в этом качестве она и является предметом исторического и культурологического исследования.

Таким образом, суммируя вышеизложенное, мы утверждаем, что предметом гуманитарного знания является *предание*, то есть социально-исторический мир, как он "зафиксирован" ("существует") в сознании, памяти человечества. Обобщая, предание можно охарактеризовать как *информационный аспект культуры*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Избранные работы. М.: "Прогресс", 1989.
2. *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. М.: "Художественная литература", 1986.
3. *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М.: "Наука", 1986.
4. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: "Прогресс", 1989.
5. *Гуревич А.Я.* Картина мира средневекового человека // Московский университет, № 26 (3716), 1989.
6. *Ленин В.И.* Философские тетради. М.: "Политиздат", 1978.
7. *Никифоров А.Л.* Философия как личный опыт // Многообразие вне-научного знания. М.: "Политиздат", 1990.
8. *Петров Ю.А.* Культура мышления. М.: Изд-во МГУ, 1990.
9. *Шпет Г.Г.* История как предмет логики // Историко-философский ежегодник. М.: "Наука", 1988.
10. *Эйдельман Н.Я.* "Я верю в альтернативность истории" // КО, № 50, 1989.